

А. В. МЕНДЮКОВ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ВЕРУЮЩИЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

В статье рассматриваются предпосылки и сущность религиозной политики Советского государства по отношению к православию как основной конфессии в контексте формирования тоталитарных тенденций в общественной жизни страны. Анализируется проблема перехода от религиозных установок в массовом сознании к атеистическим ценностям. На архивном материале представлена репрессивная политика власти по отношению к Русской Православной церкви и верующим.

Ключевые слова: православие, верующие, религиозная политика, воинствующий атеизм, двоеверие, тоталитаризм.

Политика гонений на православие и другие религиозные конфессии началась уже в первые месяцы существования советской власти. Документом, определившим все последующее законодательство в этой сфере, стал декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви от 23 января 1918 г. По верному замечанию современного историка церкви, «декрет имел очень большое значение, поскольку обозначал полный переворот в церковно-государственных отношениях в России»¹. Церковь перестала быть юридическим лицом, не имела права на собственность, права получать субсидии, жалованье от казны, не могла вести обучение в школах. Каждый гражданин формально имел право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Патриарх Тихон выступил с заявлением, в котором предавал новую власть анафеме.

Возникает вопрос, почему проводилась такая жесткая антицерковная политика, чем она была обусловлена, какими факторами и процессами? Насколько и в какой мере описываемую ситуацию подготовило состояние дел внутри самой церкви? Каким образом были взаимосвязаны данная религиозная политика и становление тоталитаризма в стране? На эти вопросы автор пытается ответить в настоящей статье. Хронологические рамки исследования очерчены периодом с 1918 г., когда появляются первые законодательные акты, регулирующие деятельность церкви, до начала 1930-х гг., этапа проведения коллективизации и усиления борьбы на религиозном фронте. Указанный период можно считать временем формирования тоталитаризма в Советской России, что

¹ Протоиерей Георгий Митрофанов. 2002. С. 127.

проявлялось экономически – в постепенном свертывании НЭПа, борьбе с зажиточными слоями крестьянства, проведении политики индустриализации и коллективизации, политически – в усилении роли партийных и государственных органов, первых массовых политических процессах, зарождении культа личности вождя, духовно – в распространении тотального контроля над массовым сознанием, борьбе с религией, насаждении атеистического мировоззрения.

Истоки описываемых процессов нужно искать, на наш взгляд, в XIX столетии. Модернизация в России, начавшаяся Великими реформами Александра II, основательно повлияла на массовое, народное сознание, которое веками оставалось связанным с ценностями православия. Однако, быстрые политические и экономические перемены привели к размыванию духовных ценностей, к аномичности общества. В начале XX в. процесс изменения духовных и религиозных ценностей был особенно интенсивен. Менялась и роль духовенства как социальной группы². Православная вера перестала рассматриваться как нечто вечное, священное и непреходящее. В мягкой форме это проявилось в возникновении христианской философии в кругах либеральной интеллигенции (Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев), в жесткой – в прямой критике религии и отказу от ее догм среди разночинной и революционной публики. Последняя искала совсем иные смыслы и символы для наступающей эпохи, которая представлялась чуть ли не «концом истории». Нигилизм и «базаровский» тип интеллигента сменились адептами нового учения, претендовавшего (не без оснований) на научное понимание исторического развития общества и прогнозирование его дальнейшей эволюции. Можно сказать, что первоначальный «смутный», «подсознательный» социализм сменился рациональной, со своими постулатами и законами, теорией, которая довольно быстро обрела сторонников как в Европе, так и в России, марксизмом. По мнению Н.А. Бердяева, «русские социалисты перестали себя чувствовать беспочвенными, висящими над бездной. Они почувствовали себя «научными», не утопическими, не мечтательными социалистами. «Научный социализм» стал предметом веры»³. Нельзя однозначно утверждать, что в начале XX в. марксизм стал эрзац-религией, пришел на место православия, однако в самом обществе наблюдались парадоксальные процессы. Результатом модернизации и изменения сознания стало постепенное исчезновение былого доверия к словам и действиям служителей церкви. Сами

² Миронов. 2013. С. 32-33.

³ Бердяев. 1990. С. 84.

же священнослужители в большинстве своем (речь идет, конечно, о приходском духовенстве) не решались или не хотели общаться с прихожанами на политические, общественные или иные актуальные темы в силу своей некомпетентности и необразованности, ограничиваясь обычными богослужениями в храме. Однако, как отмечал епископ Симбирской епархии, «духовенству волей-неволей приходилось выступать среди своих прихожан в качестве разъяснителей таких вопросов, которых оно доселе не касалось»⁴. «...Священник в селе часто является единственным образованным человеком, – писал в своем отчёте в Синод волынский архиепископ Антоний, – поэтому ему приходится давать оценку всех событий жизни не только религиозной, но и политической и общественной, особенно в теперешнее смутное время, когда деревня осаждается разными развратителями, врагами русского самодержавия и православной веры...»⁵. Таким образом, церковь была вовлечена в водоворот стремительно разворачивающихся политических событий. Русская Православная церковь в императорский период выступила ярким апологетом власти, несмотря на вопиющие недостатки самодержавия. Подобная политика в условиях формирования политических партий, парламентаризма дискредитировала церковь и духовенство. С другой стороны, наблюдался кризис в самой церкви, что проявлялось, например, в низком уровне образования и культуры духовенства, нежелании нести пастырское служение, погоне за материальными благами, конфликте между черным и белым духовенством и т.д. Описываемая ситуация явилась прекрасной почвой не только для проведения антирелигиозной политики большевиками, но и для оправдания такой политики.

В июле 1918 года первая советская конституция объявила духовенство и монашествующих лицами, лишенными избирательных прав. Согласно статье 65-й конституции РСФСР, в группу «лишенцев» попали также предприниматели, частные торговцы, лица, живущие на нетрудовой доход, бывшие агенты полиции, жандармы, душевнобольные⁶. Таким образом, в советском обществе появились первые бесправные категории населения. Вместе с тем, конституция гарантировала «свободу религиозной и антирелигиозной пропаганды» (статья 13)⁷. 24 августа 1918 года появилась инструкция Наркомюста о путях воплощения в

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2114. Л. 9.

⁵ Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. 1936. С. 232.

⁶ Первая советская конституция (Конституция РСФСР 1918 года). 1938. С. 436.

⁷ Там же. С. 426.

жизнь положений декрета о свободе совести. Верующие объединялись в коллективы, числом не менее 20-ти человек, на которых и возлагалась ответственность за всю их религиозную деятельность. «Двадцатки» отвечали духу времени, поскольку даже в такой интимной сфере как вера, коллектив противостоял одному лицу – священнику. Священнослужители прямо ставились под контроль мирян, потому что «двадцатка» несла ответственность за действия священников. «Естественно, что на группу мирян влиять было гораздо легче, чем на священника. Одного мирянина можно было вызвать и сказать, что его лишат карточки, если он будет делать не то, что нужно, другого можно будет лишиться дров, третьего отправить на трудовую повинность»⁸. В число мирян попадали и прямые агенты ГПУ, доносчики, люди, работавшие на власть. Государство рабочих и крестьян, создавая свой пролетарский культ, новую религию, всемерно старалось не просто проконтролировать православие как мощнейший и влиятельный духовный фактор, но и подавить его, вытравить из души русского народа всякие остатки былой веры, называя ее «анахронизмом», «буржуазным пережитком».

В дальнейшем, давление властей на церковь только усиливалось, по прямому указанию политического руководства партии, что проявлялось, прежде всего, в политике надзора за верующими и пресечении нежелательных действий с их стороны. Именно в 1920-е гг. складываются контуры будущей политики тотального контроля над обществом. Кроме того, применительно к данному периоду, можно утверждать, что власти стремились одержать идеологическую, духовную победу над церковью и православием. Согласно секретному циркуляру НКВД РСФСР от 19 сентября 1924 года за № 4/2827/с, местным властям не рекомендовалось «поощрять и содействовать преобразованию существующих групп верующих в религиозные общества, так как последние являются более организованными объединениями верующих, представляющих собой... нереволюционный, отсталый элемент населения РСФСР»⁹. Регистрация религиозного общества должна была осуществляться начальником административного отделения вместе с уполномоченным ГПУ, причем требовался анкетный список членов общества, куда входило бы не менее 50 чел.¹⁰ В инструкции местным административным отделам были прописаны основные направления работы с верующими: заключение договоров с группами верующих, учет церков-

⁸ Протоиерей Георгий Митрофанов. 2002. С. 132.

⁹ ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 8. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 5.

ного имущества, регистрация религиозных обществ, выдача разрешений на съезды и собрания по религиозным вопросам, учет духовенства.

Собрания верующих также тщательно контролировались. Секретный циркуляр отдела управления милиции Московского совета определял правила проведения собраний, крестных ходов, переноса икон. Правила сводились к следующим пунктам: заявление о собрании подается за неделю; указывается точная повестка собрания; обязательно согласование мероприятия с ГПУ. Собрания запрещались в местности, где «оперируют политические банды (?!), если «члены религиозного общества замечены в контрреволюционной деятельности»¹¹. Термин «политическая банда» мог означать все что угодно. Под этим предлогом можно было легко запретить любое собрание. К примеру, осенью 1925 г. в Самаре административные органы отказали в проведении православных религиозных собраний гражданину Тимофею Кузьмичу Швецову в его собственной квартире. Он нарушил запрет, и собрания все-таки проводил. Собиралось у него полтора десятка человек. Его деятельность, в итоге, была пресечена (скорее всего, не без помощи соседей) на том основании, что «беседы не носят характер отправления религиозных обрядов, а являются не разрешенным вероучением»¹². Мы не можем сказать точно, имели ли эти собрания сектантский характер или нет, но в то же самое время разрешение ежедневно (!) проводить собрания в квартире гр. Полякова было дано религиозной еврейской группе, причем за несколько месяцев до описываемых событий¹³. Той же осенью 1925 г. без проблем разрешили губернский съезд общин евангельских христиан-баптистов. В феврале следующего года мусульманам горисполком разрешил преподавать вероучение в здании мечети на Казанской, 67. Наконец, тогда же состоялся в Самаре Всесоюзный (!) съезд духовных христиан (молокан). А православным в то же время приходилось запрашивать разрешения на рождественский крестный ход на реки Самару или Волгу. Правда, скрепя сердце, такие просьбы удовлетворялись¹⁴.

Представители других религий тоже подвергались гонениям, но в рассматриваемый период они не были столь значительными, как позднее. Основной удар государства был обрушен в первую очередь на православие, занимавшее самые прочные позиции в обществе. По состоянию на 30 октября 1928 г. в Самаре насчитывалось 26 православных

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 40. Л. 129.

¹³ Там же. Л. 9.

¹⁴ ГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 48. Л. 4.

церквей и более 8 тысяч верующих (видимо, это те, кто своей веры не стеснялся и не прятался). У старообрядцев было 2 церкви и 4 молитвенных дома (733 верующих), у мусульман – 2 мечети и 775 человек, у иудеев – синагога и молельный дом (230 чел.), у лютеран – кирха и 56 сторонников, у молокан – молельный дом (614 чел.), у баптистов – также молельный дом и 146 верующих¹⁵. Эти красноречивые цифры не нуждаются в комментариях.

Противоположным, но не менее действенным инструментом давления на Русскую Православную церковь, стало создание массового добровольного общества, объединившего людей, на словах или на деле порвавших с церковью, выступавших за рациональные и научные принципы в объяснении любых явлений и отвергавших саму идею Бога. Таким обществом стал созданный в 1925 г. «Союз безбожников» во главе с известным деятелем сталинской эпохи Ем. Ярославским. Костяк Союза составили комсомольцы. Из самого названия этой организации следовало, что ее члены занимают ярко выраженную антирелигиозную (прежде всего, антиправославную) позицию. И не просто занимают, а активно способствуют насаждению атеистических идей среди населения. Но в середине 1920-х гг. в деятельности ячеек Союза безбожников преобладала умеренная линия, которую можно охарактеризовать лозунгом: «Овладеем естествознанием, чтобы иметь крепкое оружие в борьбе с религией»¹⁶. В июле 1929 г. на II Всесоюзном съезде безбожников к названию организации добавили характерное прилагательное «воинствующие». Возраст вступления был понижен до 14 лет. Создавались также группы юных безбожников – с 8 лет¹⁷. Описанные меры должны были ослабить влияние церкви в обществе, отвлечь людей от религии, особенно это касалось молодежи. Проблема состоит в том, насколько удалось власти выполнить задачу идеологически победить церковь, «перестроить» сознание общества. По мнению автора, данная задача не могла быть выполнена в столь короткий срок, несмотря на все усилия.

Следующим этапом борьбы с церковью стала политика открытых гонений и репрессий, связанная как с усилением тоталитарных тенденций в политической жизни, так и с социально-экономической политикой Советского государства. Осуществление политики коллективизации в деревне поставило на повестку дня необходимость ослабления зажиточных слоев крестьянства, уклад жизни которых и самосознание тра-

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 11. Л. 32-33.

¹⁶ *Слезин*. 2005. № 9. С. 129.

¹⁷ Там же. С. 132.

диционно было связано с православием. В 1927 г. на XV съезде партии Сталин констатировал: «У нас имеется еще такой минус, как ослабление антирелигиозной борьбы»¹⁸. В период хлебозаготовительного кризиса 1927-28 гг. активизировались попытки связать религию с контрреволюцией. И в этот период активную роль в борьбе с церковью сыграл Союз воинствующих безбожников.

С октября 1929 г. по 1 марта 1930 г. в деятельности СВБ происходят значительные перемены. В Средневолжской области (без Самары) к марту 1930 г. в эту организацию входило уже свыше 11 тыс. человек. В 11 районах организованы райсоветы и 209 ячеек. Лишь в пяти районах не было ни райсоветов, ни ячеек (в Марьевском, Елховском, Екатеринском, Андреевском и Алексеевском). Теперь антирелигиозное движение в области стало массовым, отмечает официальная статистика. В целом по России – аналогичные тенденции. В 1926 г. к безбожникам себя причисляли 87 тыс. чел., в 1929 г. – уже 500 тыс. К 1941 г. предполагалось вовлечь до 22 млн. чел.! Но этим планам не удалось сбыться: к указанному времени в Союз входило 3,5 млн. чел., в основном формально¹⁹. Наступление на православие и церковь стало вестись на всех направлениях. Возник даже термин – «религиозный фронт». Атеистическая пропаганда проводится повсеместно. Особое внимание обращается на воспитание подрастающего поколения. Добровольное общество «Друг детей», например, подготовило доклад, где отмечалось: «Религия – одно из сильнейших орудий в руках капиталистов, являясь инициатором воспитания послушных и угодных сынов. Церковь рекомендовала, как один из важнейших способов воспитания, плетку и ремень...»²⁰.

Одним из направлений антирелигиозной деятельности было закрытие церквей и снятие колоколов. Активная кампания по массовому закрытию церквей в масштабах страны началась в 1929 г. Сталин справедливо назвал этот год «годом великого перелома». Уничтожались остатки НЭПа, свободы, начинаются первые процессы над «вредителями» (в лице технической интеллигенции), в деревне насильно насаждался колхозный строй, годом позже начались гонения на крепких и зажиточных крестьян, т.е. на тех, кто работал, а не пьянствовал, на чьих плечах и держалась деревня. В стране формировался тоталитарный порядок.

Участь церкви была решена в 1929 г. Хотя секретный циркуляр НКВД РСФСР от 11 июля 1924 г. указывал, что в деле закрытия церквей

¹⁸ Там же. С. 130.

¹⁹ Поспеловский. 1995. С. 113-114.

²⁰ ГАСО. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 337. Л. 40.

надо действовать осторожно и прибегать к этой мере «лишь в исключительных случаях»²¹. В 1929–1930 гг. в Самаре началось массовое закрытие церквей под тем или иным предлогом²². Чаще всего – якобы по требованию общественности, выступавшей за передачу церковных зданий, например, под учреждения культуры. Обращения трудящихся были в большинстве своем сфальсифицированы, причем этот факт признавали даже официальные власти. Богородицко-Рождественская церковь п. Новый Оренбург была изъята под школу, Свято-Никольская церковь в Рабочем поселке закрыта по ходатайству учащихся школы № 35, рабочих завода № 42, Дрожзавода. Кафедральный собор передали союзу строителей под Дом культуры, Казанский собор – «Сельхозснабжению» под тракторные мастерские, по ходатайству 3200 кустарей (!), при поддержке фабрики Швейпрома и фабрики «Красная звезда» в связи с «малой посещаемостью церкви верующими»²³. Вознесенская церковь (на совр. ул. Степана Разина) была передана организации с невнятным названием «Крайпромкредсоюз» для использования под клуб кустарей, опять же, по требованию «профессиональных, общественных и других организаций», а также «за растрату церковного имущества общиной Вознесенской церкви на сумму 600 руб.». Были также закрыты Троицкая, Ильинская и Николо-Софийская церкви в центре города. Закрыли и передали гороно Воскресенскую церковь «для организации культурного учреждения в районе Самарской площади». Верующим предлагалось «удовлетворить свои религиозные потребности в Петропавловской и Свято-Никольской (к тому времени уже закрытой – А.М.) церквях». Женский монастырь (в Рабочем городке) решено было передать сельскохозяйственному институту под клуб или общежитие. Постановлением Самарского горсовета от 5 января 1930 г. были закрыты лютеранская кирха и польский костел. Кирху забрали под музей союза безбожников, а костел – под детский театр²⁴. Мощным стимулом к закрытию храмов было то, что 40% вырученных от реализации сумм шло в местный бюджет. Секретными инструкциями разрешалось уничтожать часть культового имущества. Оно превращалось в существенную статью дохода, что, в свою очередь, поощряло усиление атеистической политики, закрытие церквей.

После Октября 1917 г. объектом непрерывных нападков стали церковные колокола. К борьбе с колоколами подключились наркоматы юс-

²¹ ГАСО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 7. Л. 25.

²² *Подмарицын*. 2008. С. 122.

²³ ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 262. Л. 127, 179 об., 205 об., 342.

²⁴ Там же. Д. 330. Л. 189.

тиции и внутренних дел, разославшие весной 1926 г. всем облисполкомам инструкцию «О порядке пользования колокольными». Уже не церковь обладала правом колокольного звона, а местные власти получали почти неограниченные права в его регламентации. Инструкция гласила, что звон, нередко не связанный с отправлением культа, «нарушает нормальное отправление общественного правопорядка и особенно стеснительно отражается на жизни городских поселений». Инструкция запрещала совершение набатных тревог «для созыва населения в целях возбуждения его против Советской власти», не допускалось и пользование колоколами для звона, непосредственно не связанного со службами, в дни великих христианских праздников – на Пасху, Рождество. Крестный час самих колоколов настал в 1928-29 гг. Именно в это время на церковь, ее институты, священнослужителей обрушилась волна репрессий, началось массовое разрушение храмов. Так, пленум Самарского горсовета 27 декабря 1929 г. постановил снять со всех церквей Самары колокола не позднее 15 января 1930 г. Металл предлагалось передать на предприятия края и Советского Союза вообще. Полученные средства пошли бы на постройку Дома культуры²⁵. В результате, согласно акту о передаче колоколов по постановлению пленума Самарского Горсовета с 24-х самарских церквей были сняты 172 колокола общим весом около 12 тыс. пудов²⁶.

Одной из приоритетных задач советского государства и Союза безбожников являлась борьба с религиозными праздниками, особенно с праздником Пасхи. В 1929 г. была проведена масштабная антипасхальная кампания с 10 апреля (крестопоклонная неделя) до 14 мая. В городе были выдвинуты лозунги борьбы с «реакционной деятельностью церковников, борьбы против старых традиций и обычаев и мелкобуржуазного влияния на трудящихся», а в деревне выдвигалась задача борьбы за «поднятие урожайности и проведение весенней посевной кампании». Агитационно-пропагандистский отдел обкома ВКП (б) особо рекомендовал выделить в антипасхальной работе 2 мая (великий четверг) и 4 мая (страстная суббота). В эти дни, в совпадающие с церковной службой часы должны были проводиться художественные антирелигиозные вечера²⁷. Для них были тщательно подобраны темы докладов: «Происхождение поста и его классовая сущность», «За новые праздники и дни отдыха», «За культурный новый быт (против религии, пьянства, хулиганства, мещанства и антисемитизма)», «Классовая сущность пасхальной легенды», «Борьба за уро-

²⁵ Там же. Д. 326. Л. 36.

²⁶ ГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 89. Л. 99-99 об.

²⁷ ГАСО. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 337. Л. 74-75.

жай и религия», «О пьяных праздниках». В пасхальные дни население должно было получить массу зрелищ: в театры, кино и на концерты устанавливались общедоступные (?) цены. Особое внимание уделялось пропагандистской работе на селе. Местное отделение Совкино организовало посылку кинопередвижек в деревню. Показ фильмов являл собой диковинку для сельских жителей и должен был отвлечь их от религиозного праздника. Кроме того, ячейки ВКП (б), ВЛКСМ, Союза безбожников и актив деревни организовали на Пасху общественные работы для засева полей бедняков, организации опытных участков, экскурсий на опытные поля. Предлагалось внедрить в крестьянский быт новые «революционные праздники»: день первой борозды, день леса, день урожая, день кооперации и др. Власти поставили четкую задачу «разоблачить религию как орудие кулачества и контрреволюции».

Таким образом, сразу после прихода большевиков к власти резко поменялась политика по отношению к РПЦ и православию. Большевики создавали атеистическое государство и атеистическую веру взамен традиционных культов. Антицерковная политика была тесно связана с проходившими в стране политическими и социально-экономическими процессами, будучи в значительной степени обусловлена ими. На первом этапе, с момента принятия первых законодательных актов, определявших статус РПЦ, и в период существования НЭПа, она носила преимущественно ограничительный, надзорный характер. Была сделана ставка на духовную, идеологическую победу над православием. На втором этапе, когда в стране осуществлялись индустриальная модернизация и коллективизация, власти перешли к открытым гонениям на духовенство, закрытию церквей, изъятию имущества и т.д. Активную роль сыграл в этом Союз воинствующих безбожников. В 1928-30 гг. основной удар советского государства пришелся на церковь и крестьянство, которые не только рассматривались как невольные кредиторы проводившейся экономической политики, но и как классовые враги, мешавшие установлению тоталитарного порядка, а потому подлежащие истреблению.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2114.
Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 40; Оп. 2. Д. 7; Оп. 2. Д. 8; Оп. 3. Д. 11.
ГАСО. Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 262; Д. 330; Д. 326.
ГАСО. Ф. Р-341. Оп. 1. Д. 337.
ГАСО. Ф. 828. Оп. 3. Д. 48; Д. 89.
Первая советская конституция (Конституция РСФСР 1918 года) / Сборник документов под редакцией А.Я. Вышинского. М.: Изд-во НКЮ СССР, 1938. 492 с.

Литература

- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
- Подмарицын А.* Очерки истории Самарской епархии. Самара: Издательство «Книга», 2008. 152 с.
- Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М.: Республика, 1995. 511 с.
- Миронов Б.Н.* Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 32-33.
- Протоиерей Георгий Митрофанов.* История русской православной церкви. 1900–1927 гг. СПб.: САТИСЪ, 2002. 443 с.
- Слезин А.А.* Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129-132.
- Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. / Сб. документов. Под ред. А.К. Дрезена. М., 1936.
- Мендюков Андрей Валерьевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-политических наук Самарского государственного медицинского университета; tendyukoff@yandex.ru